

Достижения и болевые точки московского образования

С уполномоченным по правам ребенка в г. Москве **Е. А. Бунимовичем** беседует **Н. С. Грозная**, заместитель главного редактора журнала «Синдром Дауна. XXI век»

Инклюзивное образование: проблема «Я и Другой»

– Евгений Абрамович, я внимательно прочитала опубликованное в декабре 2012 года исследование «Проблема доступности среднего образования для несовершеннолетних лиц с ограниченными возможностями здоровья в городе Москве». Оно меня очень порадовало серьезностью, глубиной, совпадением тех выводов, которые там сделаны, с нашими наблюдениями. Бросается в глаза явная тенденция к развитию в Москве инклюзивного образования.

– Да, конечно, это центральная идея развития образования в XXI веке. Но надо отметить, что когда у нас говорят об инклюзивном образовании, то обычно имеют в виду только детей с проблемами здоровья и детей-инвалидов. Я считаю, что одна из самых серьезных проблем и даже один из вызовов XXI века – это проблема «Я и Другой». И неважно, он другой потому, что у него есть какие-то физические особенности, какой-то диагноз, болезнь, или потому, что он другого цвета кожи, другой религии или у него другие семейные традиции. Он «другой», потому что из богатой семьи, а я из бедной, или, наоборот, он из семьи консервативной, а я из либеральной. Мне кажется, «Я и Другой» – это одна из ключевых проблем сегодняшнего образования, и в этом смысле инклюзивное образование я понимаю несколько шире, чем у нас сегодня принято. Ведь оно имеет отношение и к детям-мигрантам, и к одаренным детям в меньшей степени, чем к детям с ограниченными возможностями. Но если этот вопрос в нашем городе (пока, к сожалению, только в нем) все-таки нашел какие-то пути решения, то прежде всего относительно

детей с проблемами здоровья, детей-инвалидов. Здесь, действительно, есть позитивный опыт инклюзии, которого, к сожалению, нет по остальным категориям, которые я назвал.

– Когда проект создания модели инклюзивного образования в Москве только зарождался, наши зарубежные коллеги всегда подчеркивали, что начинать необходимо с изменения отношения к инклюзии со стороны общества, педагогов, особенно руководителей школ. Делается ли что-нибудь в этом смысле в Москве?

– Ну, во-первых, когда мы говорим не об организационно-финансовой, а о гораздо более сложных профессиональной и психологической составляющих инклюзивного образования, нужно хорошо понимать, что это невозможно сделать в один день. Отношение, восприятие меняется постепенно, и я считаю, что в Москве оно как раз изменилось. Это не значит, конечно, что все стали относиться к инклюзии позитивно. Это значит, что хотя бы в образовательной среде стало неприлично говорить вслух о негативном отношении к ней. Начиная разговаривать об этом с руководителями города где-то в конце прошлого столетия, я слышал очень интересные фразы типа «Ну, мы-то с вами европейские люди, мы понимаем, но нас не поймут, и, вероятно, этого никогда у нас не будет». Я считаю, что изменения происходят даже быстрее, чем мне казалось возможным тогда. И именно в области, связанной с детьми-инвалидами, с детьми с проблемами здоровья, но не в области, связанной, например, с детьми-мигрантами. Признаки движения в сторону инклюзии формально появляются

езде. Я помню очень важный для меня год, когда обучение учителей работе в инклюзивной школе вошло в Москве в программу по подготовке к новому учебному году. То есть это уже не какая-то изысканная экспериментальная программа; это становится системой.

– *Что не может не радовать.*

– Но это очень непросто, здесь есть разные этапы. Есть этап психологического слома, когда люди понимают, что вводить инклюзивную форму образования – это цивилизованно. Но есть и такой непрофессиональный, житейский взгляд на то, что нужно для этого делать. Все сразу начали строить пандусы.

– *Это проще всего.*

– Да, проще всего, и показать можно. А понять, что такое инклюзия, с чего начинать, каким образом действовать и можно ли все школы сделать инклюзивными для всех детей, – очень большой вопрос.

Судьба коррекционных школ под вопросом?

– *На этом хочется остановиться подробнее. Это очень важный вопрос. Если говорить конкретно о детях с синдромом Дауна, то разброс способностей у них огромный. В школе возникают и учебные проблемы, и психологические. Мы тесно связаны с родителями детей дошкольного возраста; они делятся с нами своими взглядами и предпочтениями. И я бы сказала, что, наверно, не менее половины родителей хотели бы, чтобы их дети учились в коррекционных школах. Они высказывают серьезную озабоченность тем, что, по слухам, – и это одна из причин, почему я к Вам пришла, – коррекционные школы закроют совсем.*

– Понятно. Я готов ответить на Ваш вопрос. Во-первых, обратите внимание, что в нашем исследовании примерно такие же показатели – около половины родителей предпочитают, чтобы их дети учились в специальных, коррекционных школах. Риск, что коррекционные школы могут закрыть, есть, и я о нем говорю прямо. Мы рассмотрим эту ситуацию, но начать я хотел бы с другого.

В Москве был очень важный этап работы, к которому я имел прямое отношение, – это этап принятия закона об обучении детей с ОВЗ. Мы были единственным регионом и, помимо, до сих пор остаемся единственным, в котором такой закон принят. Мне говорили: а зачем, собственно, он нужен? Ведь процесс инклюзии и так идет – например, в Центральном округе. Но мне важно, чтобы был закон, во-первых, потому, что нужно разговаривать с чиновниками. Ведь одно дело – добрая воля: вы хотите и открываете для детей с ОВЗ возможность учиться вместе с другими детьми, а другое дело – когда вы обязаны. И во-вторых, чтобы определенные основополагающие принципы заложить законодательно. Ключевым из этих принципов является право выбора, которым должна обладать семья – с учетом, конечно, мнения специалистов. Но разнообразие форм обучения должно быть! И это заложено в законе.

Теперь собственно о коррекционных школах. Это то, чем я занимаюсь сейчас. Документ, с которого мы начали наш разговор, – исследование, а сейчас я готовлю другой документ – ежегодный доклад уполномоченного по правам ребенка. Там мы как раз пишем о том, что сейчас в связи с новы-

ми тенденциями в московском образовании (а это, по существу, реформа) введено нормативное финансирование и у нас довольно сильно меняется модель московского образования. Мы не станем обсуждать общую модель, но поговорим о том, как эти изменения могут коснуться детей с ОВЗ и детей-инвалидов. Я недавно участвовал в селекторном совещании, к которому были подключены руководители нескольких тысяч московских учреждений образования, начиная с самых высоких руководителей. Там как раз речь шла об этих рисках и проблемах. Я задал вопрос об этом, и каким же был ответ? Во-первых, если говорить об изменении статуса и объединении школ, среди которых есть и коррекционные, то официально такое объединение может происходить только при согласии управляющих советов школ, куда входят родители.

– *Насколько силен их голос?*

– А это вопрос к ним. Второе: как утверждает Департамент образования, коррекционные школы не пропадают при появлении общего комплекса. Но здесь важен, конечно, организационно-финансовый механизм. Мы переходим на нормативное финансирование, то есть финансируется отдельный ребенок, а не учреждение. И мы знаем, что сегодня на ребенка-инвалида в два, а то и в три раза выше норматив, чем на обычного ребенка. Но это касается только детей, имеющих статус инвалида. Если же это дети с проблемами здоровья, но статуса у них нет, то они не имеют дополнительного финансирования, и тогда у коррекционной школы возникают очень серьезные трудности. Я поставил эту проблему перед вице-мэром Печатниковым, тем более что он сам медик. Я получил ответ, что сейчас они рассматривают эту проблему, ведь дети с проблемами здоровья, как и дети-инвалиды, все разные. Необходимо определить, у кого какой статус, какие дополнительные специалисты требуются, и ввести дополнительное финансирование, которое помогло бы обеспечить нужную поддержку. Это серьезный вопрос. Я понимаю, что журнал «Синдром Дауна. XXI век» интересуется в первую очередь образованием детей с синдромом Дауна, но этот же вопрос касается детей с девиантным поведением, у которых тоже есть специальные школы, одаренных детей. Между прочим, есть и другие особые категории, Департамент согласен со мной в этом вопросе, но решения я пока не вижу. Пока вроде ничего не разрушили в системе коррекционных школ, но как ситуация будет развиваться дальше, будем отслеживать. Не могу дать полной гарантии, но я все время наблюдаю за этим процессом, включаюсь в него довольно активно. Обнадешивает то, что финансирование образования, действительно, повысилось очень сильно, и поэтому, как утверждает руководитель Департамента образования, если образуется большой комплекс из нескольких школ, в том числе и коррекционной, то у них есть деньги на работу такой школы.

– *Это хорошо, потому что у обывателя складывается впечатление, что всеобщее стремление к оптимизации и экономии может негативно отразиться на образовании....*

– Может!

– *Но ведь любая форма инклюзии – будь то коррекционный класс внутри школы или целиком инклюзивная школа – неизбежно требует дополнительных финансовых средств.*

– Конечно. Но я хочу вам сказать, что дополнительные средства на это, судя по всему, есть. Я настаиваю, чтобы дети с ОВЗ в соответствии с тем, что им требуется (а им требуются разные дополнительные вещи), получали дополнительное

финансирование. Всё это должны сейчас четко прописать, как бы трудно это ни было. В исследовании говорится, что мы даже не знаем, сколько у нас детей с ОВЗ. Мы должны понять это, должны выделить соответствующий бюджет. Нужно понимать, что одними эмоциями здесь не сработает. Здесь абсолютно определено нужна финансовая основа, иначе мы не удержимся.

Единая колея или индивидуализация обучения?

– И методическая основа тоже нужна! Она очень сложна. Как я убедилась, в тех странах, где инклюзия успешно осуществляется, была проведена огромная работа по выстраиванию той системы поддержки, которая необходима самым разным детям. Понятно, что сразу мы перейти к этому не сможем, но если бы изменились хотя бы стандарты для детей с интеллектуальными нарушениями в инклюзивной школе, уже было бы хорошо.

– Да, это уже вопрос стандартов и стандартизации и еще одна очень серьезная проблема. Она связана с совершенно другими вещами – не с финансированием и не с укрупнением школ, а с национальными стандартами. Это тоже новая тема. Федеральные стандарты только что утверждены. И я думаю, что идеология стандартов просто еще не устоялась – написаны какие-то средние стандарты «на всех». А ведь отдельным категориям детей, у которых есть ментальные, да и другие проблемы, мы должны дать другие стандарты. К сожалению, просто здесь нет понимания этого...

– Нет понимания у работников, отвечающих за образование?

– Да, потому что это противоречит идее стандартов, идее единого уровня. Они еще до этого не выросли, в отличие от идеи инклюзии. А по стандартам, к сожалению, нет понимания, что это просто необходимая вещь для того, чтобы можно было реально спросить... Не врать, как это часто делается из соображений вроде бы гуманных. Причем здесь есть разные подходы. Может быть, в зависимости от состояния здоровья и развития здесь должны быть просто другие стандарты. А может быть, и я не раз ставил этот вопрос, не обязательно все должны получать аттестат в 17 лет? Почему кто-то не может получить его в 20 или в 22, двигаясь в том темпе развития и возможностей, которые ему присущи? Я не вижу в этом проблемы.

– Насколько я знаю, коррекционные школы могут выпускать учащихся в более старшем возрасте.

– Но это должно быть четко закреплено на уровне федерального законодательства. Почему я говорю про закон об образовании лиц с ОВЗ? Это городской закон. Мы смогли его принять, хотя это было очень трудно, потому что в федеральном законе не было слов «инклюзивное образование». И в таком случае вводить в региональном законе термин, которого нет в федеральном, неправильно, даже с точки зрения законодательства. Но, тем не менее, нам пришлось это сделать. А вот принять какие-то решения по поводу стандартов на уровне города мы не можем. Поэтому мне приходится все время выяснять эти вопросы с Министерством образования. Я убежден, что возможность индивидуализации образования, в том числе по срокам, – это нормальная возможность,

которую мы сейчас должны утвердить, как и многое другое. В связи с появлением всей этой аппаратуры, которую Вы видите у меня на столе, – монитора, компьютера и остальных устройств – становится очевидным, что это не то же самое, что учебник. И при всех претензиях к образованию с помощью компьютера совершенно ясно, что теперь можно перейти к индивидуализации обучения. Наша задача не в том, чтобы все обязательно в конце октября освоили тему «Квадратные уравнения». Если мы хотим, чтобы все ее освоили, надо разрешить одним сделать это в сентябре, а другим – в ноябре. Это очень непривычно для нашего образования...

– Это непривычно и тоже надо прописывать...

– Это все очень сложно, но сама информационная система, в которой живут наши дети, диктует новые правила. Перемены все равно произойдут, и мы должны этому соответствовать. Чтобы понимать, с какой скоростью это происходит, приведу некоторые цифры. Недавно отчитывался Центральный округ Москвы. В 100 % школ есть электронные дневники и журналы, а в 21-й школе уже нет бумажных. Таким образом, если у кого-то из родителей нет компьютера, у них возникнут проблемы, как раньше, если не было телефона. И вот эта индивидуализация обучения, возможность других форм, кроме чисто урочных, конечно, существенно коснется и детей с синдромом Дауна.

Можно ли повлиять на сознание учителей и изменить атмосферу в школе?

– Надо, чтобы в сознании учителей многое переменялось, не так ли?

– Все учителя теперь изучают новые методики, с ними обсуждается и инклюзивное образование. И потом не забудем (это важно), что средняя зарплата учителей все-таки не 5 долларов, как было 20 лет назад, а уже почти 2000 долларов. Почему важно? Потому что теперь можно с них спросить! Когда было 5 долларов, тоже было можно, но нельзя. Однако зарплата – не единственный фактор. Квалификация, профессиональный уровень так прямо с деньгами не связаны. Необходимо учить учителей работать с разными категориями детей, в том числе с детьми с синдромом Дауна. И кстати говоря, не только учителей, но и (очень важный вопрос!) других детей и других родителей. Вопрос атмосферы в школе очень серьезный. Передо мной как человеком, который отслеживает результаты, стоит пока не разрешенный вопрос: как оценивать атмосферу школы? Вот у нас сейчас вывешены рейтинги московских школ – по олимпиадам, по ЕГЭ, честно посчитанные, хорошие рейтинги, по крайней мере по тем школам, которые я знаю.

– Атмосфера не оценивалась?

– Вот! Я не раз ставил такой вопрос. Я понимаю, что это совсем не так просто и мы можем сколько угодно говорить: «Ой, какие энтузиасты, какие изумительные школы!» – но это личное дело тех школ. Это никак не отражается на результатах, по которым их оценивают. А сегодня это еще поощрения, в том числе и финансовые. Нужны хорошо разработанные опросы – родителей, детей. Необходимо найти механизмы оценки, но они должны быть более тонкими, чем для оценки других результатов. И здесь надо понимать – и родители

понимают, – что не будет ребенку с синдромом Дауна хорошо в школе, похожей на ту, которая показана в сериале «Школа», – с насилием, хамством, всем остальным. Это общая тема, она не может рассматриваться как отдельная.

И последнее, но отнюдь не по важности...

– Еще один вопрос – решается ли проблема профессионального образования для детей с ОВЗ?

– У нас проводилось 2 исследования. Исследование доступности профессионального образования осуществляли уже не мы, а те, кто занимается взрослыми. Но могу сказать прямо, что это вопрос трудный. Я убедился в том, что сейчас растет новое поколение людей с ОВЗ и с ними приходят другие проблемы. Они решены в гораздо меньшей степени. Я могу сказать, что не знаю пока хороших решений. К сожалению, мы не доросли до решения этих проблем. Это правда. Кстати, у меня был интересный разговор на фотовыставке Владимира Мишукова, посвященной детям с синдромом Дауна, в Галерее братьев Люмьер. Ко мне подошел один папа. Он был у меня раньше в связи с проблемой перехода ребенка из детского сада в школу. Он очень волновался, потому что в детском саду его ребенку с синдромом Дауна было хорошо, а как будет в школе? И вот прошло 2–3 года, он подошел ко мне на выставке, я не сразу его вспомнил, но вспомнил. Он сказал, что нашел хорошую школу, там все замечательно, но – очень интересно, я первый раз услышал такой оборот – он добавил: «Им там хорошо, с ними нянчатся, но с них мало требуют». Я впервые об этом услышал, так как раньше все беспокоились об атмосфере. А нужно, чтобы были еще и требования. Это мы, я думаю, можем обеспечить, а вот профессиональное образование... Я много общаюсь с родителями детей с инвалидностью, ОВЗ и другими проблемами. Их больше всего тревожит взрослый период. Куда пойдет их выросший ребенок? Как сложится его дальнейшая судьба? Я пока не могу ответить на эти вопросы.

– Да, и еще, мне кажется, беда в том, что у нас нет по-настоящему сильных родительских объединений.

– Я с этим согласен. Не только родительских, но и профессиональных. Чаще всего я предъявляю претензии к власти, должен это делать, как уполномоченный по правам ребенка. Я отмечаю неправильные действия со стороны власти, но есть другая проблема, которая меня очень волнует, и здесь я не знаю, что мне делать. Мне было бы гораздо легче, если бы у нас были адекватные, серьезные, ответственные родительские объединения. И между прочим, педагогические тоже. Чтобы без их мнения нельзя было принимать решения. Вот если по каждому закону буду высказываться не только я, не только профессионалы, а еще и родительские ассоциации, которые не будут говорить с места, что все чиновники – козлы. Это эмоциональное отношение, а мне нужно, чтобы они говорили: «В законе таком-то, в статье 5-й написано вот что. Это будет плохо для наших детей», или «Вот смотрите,

сейчас приняли такое-то постановление, а вот этот пункт нас не устраивает, это неправильно, нашим детям будет плохо от этого...». Не «вообще все плохие», а профессионализм, активность просто необходимы. Но их нет. Такова ситуация сегодня.

– Это так, к сожалению. Я Вам очень благодарна, Евгений Абрамович! Всего доброго и успехов в нашем общем деле!

Биографическая справка

Евгений Абрамович Бунимович родился 27 мая 1954 г. в Москве.

Потомственный математик, окончил, как и его родители, механико-математический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1976–2006 гг. преподавал математику в московской гимназии № 710.

Заслуженный учитель России, кандидат педагогических наук, автор многих школьных учебников и методических пособий.

Поэт (его стихи переведены на многие языки), журналист. Лауреат премии Союза журналистов России за цикл статей о проблемах образования (1997).

С 1997 по 2009 г. – депутат Московской городской думы II, III и IV созывов (от партии «Яблоко»), координатор по вопросам культуры, искусства и образования (1997–2001), председатель комиссии по науке и образованию (200–2009). Награжден почетным знаком «За заслуги в развитии законодательства и парламентаризма» (2008).

Один из авторов московских законов о развитии образования, законопроекта об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья, законов о безбарьерной городской среде для инвалидов и др.

Инициатор создания комиссии по правам человека при мэре Москвы, инициатор принятия и редактор закона «Об Уполномоченном по правам человека в городе Москве».

С 2009 года возглавляет Управление по защите прав и законных интересов несовершеннолетних в городе Москве.

Исследование доступности среднего образования для детей с ограниченными возможностями в столице

В декабре 2012 года были опубликованы два научных отчета об исследованиях, проведенных по заказу аппарата уполномоченного по правам человека в г. Москве.

Первое исследование – «**Проблема доступности среднего образования для несовершеннолетних лиц с ограниченными возможностями здоровья в городе Москве**». Второе – «**Проблема доступности профессионального образования для лиц с ограниченными возможностями здоровья в городе Москве**».

Выводы первого исследования построены на основе данных статистики, выборочных опросов родителей, экспертного опроса, фокус-групп. Результаты исследования позволяют охарактеризовать ситуацию с доступностью образования для детей с ограниченными возможностями здоровья в столице и определить перспективы развития инклюзивного образования.

В ходе исследования впервые выяснилось число проживающих в столице детей с ограниченными возможностями здоровья – 42 тысячи. Более четверти из них посещают специальные коррекционные школы (27,5 %), еще четверть – общеобразовательные (25,5 %). Остальные обучаются на дому. При этом около половины родителей (41 %) хотели бы, чтобы их дети обучались в обычной школе.

Как показали опросы, родители здоровых детей против присутствия в классе детей с ОВЗ не возражают, но при условии, что это будут дети либо с нарушениями опорно-двигательного аппарата, либо с хроническими и не опасными для окружающих заболеваниями. Дети же с отставанием в умственном развитии, по их мнению, должны получать знания отдельно. Страх перед их совместным обучением с обычными детьми у родителей последних значительно сильнее, чем в отношении детей с другими видами нарушений здоровья.

Выявились и барьеры для развития инклюзии в столице. Почти половина (46 %) родителей детей с ОВЗ заявили о «недружелюбном, негативном отношении» здоровых детей и их родителей к детям с ОВЗ. Правда, 2/3 респондентов признались, что лично с этим не сталкивались. Второе место среди барьеров занимает «отсутствие соответствующей квалификации у педагогов» (39,3 %), которая необходима для совместного обучения детей с ОВЗ и здоровых. На третьем месте – «уровень технической готовности учебных заведений к обучению детей с ОВЗ» (34,9 %). Далее следуют такие проблемы, как «негативное отношение педагогов и персонала к инклюзивному обучению» (27,7 %), «недостаточное финансирование» (23,6 %), «отсутствие системы сопровождения, тьюторства» (23,1 %) и «дефицит соответствующих образовательных программ, учебников» (21,9 %).

Автор одного из исследований Оксана Кучмаева определила список документов, которые необходимо принять для внедрения инклюзивного образования. Она отметила отсутствие единой базы детей с ОВЗ и учреждений, оказывающих услуги по инклюзивному образованию и социализации, а также регулярного мониторинга качества работы этих учреждений.

Использованы материалы портала для людей с ограниченными возможностями здоровья

Dislife.ru (<http://www.dislife.ru/flow/theme/21933/>)

